

Людмила Шарга

Прощай, свободная стихия

Кто ссылал сюда поэтов, ничего не смыслил в этом...

Юрий Михайлик

Вспоминаю пушкинское «Прощание с морем», иду к морю, но не привычным путем. От Ришельевской вниз по Греческой – через Пушкинскую, по самому длинному мосту Одессы, Строгановскому, до Канатной через Александровский (им. Шевченко) парк на Лидерсовский бульвар – и вот я на Французском бульваре.

Еще минут десять – и я у мавританской арки, и уже хочется пройти под ней и спуститься в Отраду. Но четырехстопный ямб уводит дальше – к тому месту, где была дача Рено. Французский бульвар, 15.

Иду и пытаюсь представить, как выглядело это место во времена пушкинских прогулок.

«Вдоль многочисленных дач тянулись земляные валы, обсаженные акациями, тротуаров не было и в помине, а мощение заканчивалось в том месте, где теперь находится санаторий «Аркадия».

Существует несколько «пушкинских адресов» в Одессе: Hôtel du Nord (дом Сикара) на Пушкинской, прежде Итальянской улице, Ришельевская угол Дерибасовская – дом, принадлежавший барону Рено, а впоследствии его дочери, княгине Кантакузен. С углового балкона верхнего этажа открывался вид на море, на театр... на казино, о котором упоминается в «Евгении Онегине».

Дом не сохранился, но улицы эти еще помнят поэта.

Впереди идет мальчик: черные гриндеры, черная кожаная косуха, длинные волосы стянуты в хвост кожаным шнурком... Наверняка есть тату. Стильно, строго, красиво. За плечами в чехле гитара.

На миг представляю его в сюртуке, в черной шляпе, с тростью. Зачем трость... мальчишке? В 1823 Пушкину всего двадцать четыре.

Трость – элемент костюма? Франтил молодой поэт? И еще трость в помощь на прогулках по тогдашним в основном немощеным улицам Одессы, как в помощь и гриндеры мальчику, идущему впереди, – улицы города и в наше время полны неожиданностей, да и удобно шагать, не задумываясь, слушая музыку, еще не ставшую песней, слова, еще не ставшие стихами.

Но уж дробит камня молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованой броней.
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? – воды.
Потребны тяжкие труды...
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошрины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

Очевидцы рассказывали... Наверное, можно им верить, очень правдоподобны их рассказы: иногда в послеобеденное время, но чаще – в лунные ночи, Пушкин отправлялся на прогулку к морю. Возможно, на дачу Рено. Скорее всего, брал извозчика. Неблизкий путь. Да и Строгановского моста тогда еще не было.

Сейчас от дома Сикара – здесь теперь музей Пушкина – к даче Рено на Мало-Фонтанской дороге, ныне Французский бульвар, можно легко пройти за час с небольшим. На ходу вспоминая

пушкинские строчки либо... вышагивая собственные, как вышагивает сейчас музыку мальчик с гитарой, идущий впереди. Или и музыку, и текст новой песни.

Прощай, свободная стихия,
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...

Когда и как пришли к поэту первые или последние строчки «Прощания с морем», разрозненными или цельными строфами, неизвестно. Известно лишь, что стихотворение было завершено только в следующей ссылке – в Михайловском в 1824.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Родство двух стихий – мятежной души и моря, родство характеров – своенравных, гордых, свободолюбивых. Надо ли удивляться, что море не просто полюбилось поэту, но и стало ему другом?

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Возможно, потому и писалось ему в Одессе так легко и так много – близость моря, родной стихии, которая может выслушать, напеть, нашептать строчки, смыть печаль, тревогу, разбередить

душу. Да и где лучше всего слагаются стихи, как не у моря? *Кто ссылал сюда поэтов, ничего не смыслил в этом...*

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит...
Итак, я жил тогда в Одессе...

Тихое щемящее тепло, утренние туманы, солнечные дни, прохладные вечера и ночи...

Почему-то именно такой представляется далекая осень 1820, когда по дороге из Крыма в Кишинев поэт впервые увидел Одессу.

Второе свидание принес март 1821, и длилось оно несколько дней.

Март наш – ветренный, часто метельный, и часто холоднее января и февраля.

Было и третье свидание – в мае 1823 года, около двух недель.

Три прикосновения к городу перед встречей, которую назовут впоследствии романтическим периодом в творчестве поэта.

3 июля 1823 года Пушкин приезжает в Одессу и остается здесь до 31 июля 1824 года. Причины южной ссылки общеизвестны: несколько едких эпиграмм на власть, которые Александр I назвал «возмутительными стихами». Поэту грозила ссылка в Соловецкий монастырь. На помощь пришли Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский и П.Я. Чаадаев, которые хлопотали за Пушкина, и Сибирь заменили южными губерниями. Внешне все походило на обычный перевод по службе.

Но. Кто ссылал сюда поэтов, ничего не смыслил в этом...

Тринадцать месяцев – «одесский год», за который из-под пера поэта вышли тридцать лирических стихотворений, поэма «Цыганы», завершена работа над «Бахчисарайским фонтаном», написано две с половиной главы «Евгения Онегина». Описав Одессу в главе «Путешествие Онегина», Пушкин, по выражению поэта В. Туманского, подарил городу «грамоту на бессмертие».

Отрывок из «Путешествия Онегина» был опубликован в газете «Одесский вестник» (1827 г, № 30) – первое стихотворение в газете.

Из письма Василия Туманского Пушкину из Одессы от 20 апреля 1827 года: «По прошедшей почте послал я тебе «Одесский вестник», который издаем мы здесь общими силами. Прими его как знак нашего уважения к тебе, главе русской поэзии. В будущем номере мы осмеливаемся напечатать, любезный Пушкин, твое описание Одессы: оно принадлежит нам по праву, ибо в нем заключается грамота на бессмертие для нашего города...».

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подьмет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой...

Из событий, которые производят сильнейшее впечатление на поэта, следует отметить и смерть Наполеона, и смерть Байрона (1824). Пушкин находит много общего в своей судьбе с их судьбами и говорит об этом с морем, конечно же, и в стихах:

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминая величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставляя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мальчик с гитарой сворачивает в переулок, ведущий к морю.
Мне хорошо виден его тонкий, четко очерченный профиль
и краешек тату на руке – готический шрифт. Слово Dum.

«Spíro, spero... – шепчу. – Dum spíro spero...» Очень хочется, что-
бы полный текст тату был именно таким.

Улица впереди пуста. Пятый трамвай подан, будто извозчик,
и я возвращаюсь домой вполне привычным маршрутом, вспоми-
ная строчки из стихотворения поэта Юрия Михайлика:

Кто ссылал сюда поэтов, ничего не смыслил в этом –
ни в тенетах, ни в запретах, ни в сонетах, ни в поэтах,
ни в лучах добра и света над прибрежною волной...

